

История

Посольский церемониал традиционной китайской дипломатии. Аудиенции в императорском дворце. (По материалам Статейного списка российского посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского. 1725–1729 гг.)

© 2014

А. Ипатова

Посольский церемониал — важнейшая составляющая даннической системы традиционного Китая, направленной на утверждение его превосходства над всеми другими государствами. Он был призван служить наглядной и убедительной демонстрацией незыблемости этой вертикали. Твердая и последовательная позиция С.Л. Владиславича позволила ему основательно поколебать многовековые устои посольского церемониала, в том числе и центральную его часть — аудиенцию у императора.

Ключевые слова: Россия, С.Л. Владиславич-Рагузинский, Кяхтинской договор 1728 г., Цинский Китай, данническая система, посольский церемониал, аудиенция в императорском дворце, поклон «коуту».

Уровень межгосударственных отношений Цинского Китая¹ с Русским государством в XVII и тем более в XVIII вв. принципиально отличался от его контактов с другими странами. Россия не только направляла к цинскому двору свои посольства, но и в 1-й трети XVIII в. принимала у себя посольства Срединного государства вопреки китайскому обыкновению не выезжать из страны². Некоторые из послов были приняты российскими и китайскими монархами.

В этом взаимодействии империй, принадлежащих к разным мировым цивилизациям, Россия действовала в соответствии с нормами европейской дипломатической школы, основанными на принципе равенства суверенных государств и, следуя этой традиции, стремилась строить с Цинским Китаем межгосударственные связи на основе равноправия.

Цины, убеждая Россию в своем желании вечного мира, дружбы и равенства, навязывали ей отношения в традициях даннической системы, важным компонентом которой был веками разрабатывавшийся и неукоснительно соблюдавшийся в традиционном Китае посольский церемониал. Как и другие составляющие китайской дипломатии, он был направлен на утверждение превосходства Срединного государства над народами и странами «четырех морей» или «четырех сторон». При приеме иностранных послов

именно церемониалу и этикету, как наиболее наглядной и убедительной демонстрации вертикали «сюзерен-вассал», китайская дипломатия, а цинская особенно, придавала исключительное значение.

Наиважнейшим элементом посольского церемониала служил чуждый для европейской дипломатии поклон «коутоу», который послы должны были исполнять во время аудиенции у императора, и чего цинская сторона неукоснительно добивалась от них любой ценой. «Коутоу» — важнейший элемент китайского дворцового церемониала. Сложился он еще в VII в. для приема послов сопредельных государств, находившихся в зависимом от Китая положении. С расширением внешних связей распространился на всех прибывавших в Пекин послов любых государств. Исполнять его должны были и китайские чиновники на приеме у императора. Во время исполнения «коутоу» следовало, трижды став на колени, совершить по три земных поклона. Всего девять. Церемониал предусматривал также предварительную репетицию перед табличкой с именем императора или перед пустым троном³.

Отказ посла от исполнения «коутоу» автоматически вел к отмене аудиенции в императорском дворце и последующему выдворению его из Китая, что и произошло с первым официальным послом Русского государства Ф.И. Байковым (1653–1657), действовавшим в соответствии с «Наказом» своего правительства, разрешавшего ему «поклониться» перед цинским императором «по обычаю рядовым поклоном».

Однако и заранее санкционированное из Москвы вынужденное исполнение «коутоу» другим российским послом Н.Г. Спафарием (1675–1678) не принесло желаемых результатов. Цинские чиновники, обманном путем заставившие его совершить этот церемониальный обряд, отказались выполнить его требования, что было условием их предварительной договоренности. Русскому послу в ультимативной форме было приказано немедленно покинуть Китай.

Взаимоотношения России с Цинским Китаем после заключения Нерчинского договора (1689 г.), разрешившим вооруженный конфликт в Приамурье, и особенно в XVIII в. заметно отличались от того, что происходило ранее. И Россия, и Китай не стремились переводить сложившиеся мирные отношения в русло военных действий. Наблюдается постепенное осознание цинским правительством необходимости строить отношения с Россией с учетом относительного равенства сторон, хотя в представлении о равенстве каждая из сторон вкладывала свой смысл.

И Россия шла на определенные уступки, в том числе в исполнении русскими послами поклона «коутоу». После Н.Г. Спафария «коутоу» исполнили также послы Л.В. Измайлов (1719–1721) и С.Л. Владиславич-Рагузинский (1725–1728).

Важным фактором, серьезно затруднявшим контакты русских послов с китайскими чиновниками, был языковой барьер: в Китае не знали русского языка, в России — ни одного из официальных языков Цинского Китая (китайский, маньчжурский, монгольский). И как следствие — незнание тщательно соблюдавшихся китайцами при приеме иностранных послов традиций и обычаев, что неоднократно служило причиной непонимания русскими послами истинных намерений и скрытого смысла тех или иных приемов и действий цинских чиновников. Богатый иллюстративный материал, раскрывающий тактику цинских дипломатов, содержат Статейные списки (отчеты) посольств.

И в первой трети XVIII в., т.е. по прошествии ста лет со времени первых контактов с Китаем, в России все еще не было людей, знавших китайский и маньчжурский языки, а также тонкости традиционного китайского посольского церемониала и этикета. Так, император Сюань Е⁴, якобы заботясь о том, что российский посланник Л.В. Измайлов не имеет теплого платья (посольство находилось в Пекине зимой), пожаловал ему свои собольи шубу и шапку и повелел, чтобы тот надевал их и приезжал к нему во дворец только в таком одеянии⁵. Согласно китайскому этикету, переодевание послов в импе-

раторские одежды означало, что этот посол представляет в Пекине вассальное государство, т.е. имело совсем иной смысл, чем «шуба с царского плеча» в России.

Наибольший интерес в этом отношении представляет собой Статейный список чрезвычайного посланника и полномочного министра, графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, хронологически последний в ряду Статейных списков русских послов, направлявшихся в Китай в XVII—XVIII вв. Он охватывает почти 5-летний период, связанный с посольством С.Л. Владиславича в Китае (1725–1729)⁶. В нем подробно описан китайский посольский церемониал, особенно аудиенции в императорском дворце. Сравнение Статейного списка С.Л. Владиславича со списками его предшественников позволяет проследить наметившуюся в XVIII в. эволюцию постепенного отхода цинского двора от требований строгого исполнения некоторых важнейших элементов церемонии приема в императорском дворце. Как уже отмечалось, на компромиссы шла и Россия.

С.Л. Владиславич был направлен в Китай вскоре после неудавшегося посольства Л.В. Измайлова⁷. К тому времени он уже имел значительный дипломатический опыт в Европе и на Востоке, был произведен в действительные статские советники, еще в 1710 г. ему был пожалован титул графа Иллирийского. В Китай С.Л. Владиславич был направлен в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра. Это был самый высокий уровень представительства среди всех русских дипломатов, направлявшихся в Китай в XVII—XVIII вв., следовательно, по протоколу и принимать его в Пекине должны были на более высоком уровне⁸.

В задачи посольства входило решение вопросов об упорядочении российско-китайской торговли и разграничении в районе Северной Монголии (Халха-Монголия). Кроме того, он должен был передать цинскому императору Инь Чжэню⁹ две грамоты от российской императрицы Екатерины I. Одна, «обвестительная», сообщала о кончине Петра I и восшествии ее на российский престол, другая — поздравительная, в которой Екатерина I поздравляла цинского императора Инь Чжэня с восприятием монаршей власти после смерти его отца, императора Сюань Е. Обе грамоты были составлены на русском и латинском языках. Таким образом, высокий ранг С.Л. Владиславича соответствовал возложенной на него миссии.

Посольство состояло примерно из 120 человек, тщательно подобранных квалифицированных специалистов преимущественно в деле разграничения, а также тех, кто имел опыт поездок в Китай по дипломатическим и коммерческим делам.

Петербург снабдил чрезвычайного посланника детально разработанными инструкциями, которые он соблюдал, сообразуясь с обстоятельствами, на протяжении всех переговоров как в Пекине, так и на границе, вопреки противодействию китайской стороны.

Посольство С.Л. Владиславича покинуло Петербург 12 октября 1725 г. Остановки в российских, особенно сибирских городах, С.Л. Владиславич использовал для знакомства с материалами местных архивов, касающимися территориальных проблем в районе предстоящего разграничения на территории «Монгольской земли». Внимательно изучал все, что было связано с Нерчинской конференцией (1689).

В пределах Китайской империи российский посол придавал важное значение отношению к нему цинских чиновников, дабы не допустить никаких действий, умаляющих достоинство Российской империи, и заботился о том, чтобы его принимали в соответствии с его высоким «характером» (статусом). Приближаясь к Пекину, С.Л. Владиславич заранее обусловил основные моменты его встречи. Сообщив дариамбе Секу, который должен был сопровождать посольство (при въезде в Пекин), о том, что рангом он «большого» и «характера вящего» по сравнению с чрезвычайным посланником Л.В. Измайловым, поэтому

* Дариамба (маньчж.) — придворный вельможа 1-го старшего класса, управляющий придворными телохранителями, высокое военное звание, обычно присваивалось родственникам императора.

желает, чтобы во всех отношениях богдыхан принял его лучше, чем император Сюань Е принимал Л.В. Измайлова, и выдвинул следующие предложения:

«Заутро, Богу извольшу, ночевать имею, до Пекина не доходя пятнадцать верст, в селе Сегор, в котором после заутра имею намерение еще день пробывать для моего убрания». Далее посланник желал:

чтобы в село, где он остановится перед въездом в Пекин, от императорского двора были присланы офицер и несколько служилых людей для «встретения» посольства и передачи ему поздравления от имени богдыхана, а также для последующего препровождения посольства в Пекин до того места, где оно будет размещено;

въезжать в пекинские ворота посланник намерен строем под звуки труб, при этом требовал, чтобы его приветствовали 9-ю залпами из пушек (как это было в Калгане);

по прошествии двух дней после прибытия посольства в Пекин, чтобы к нему пришли китайские министры из числа верховных с поздравлением и для переговоров об аудиенции у богдыхана для передачи ему грамот российской императрицы. В заключение он пояснял, что так принято во всех европейских и азиатских странах при приеме посланников его, С.Л. Владиславича, ранга и что, как его примут здесь, так и при российском дворе будут приняты китайские послы (л. 169–170).

В ответ дариамба заявил, что писать богдыхану не смеет, так как тот сам знает, «как такого посла по его характеру почтить» и что «стрельбою пушечной в Пекине никому чести не отдают». А в остальном, как заверил чиновник, «умаления чести его, чрезвычайного посланника, ни в чем не будет». При этом он потребовал, чтобы въезд посольства в Пекин состоялся не 21 октября, как наметил С.Л. Владиславич, а сразу же, т.е. 19 числа. На что посланник ответил столь же категорично отказом. Тем не менее, той же ночью дариамба Секу и другие сопровождавшие посольство цинские чиновники снова попытались уговорить посланника, не мешкая ехать в Пекин, потому что дариамба уже объявил о прибытии российского посла в Пекин 19 числа, т.е. немедленно. На такой ход цинских чиновников С.Л. Владиславич и на этот раз ответил категорическим отказом, заявив, «что он послан от Ея величества, государыни императрицы и не убрался, как надлежит, въезд в Пекин иметь не может. И тако определили въезд в Пекин иметь 21-го числа» (л. 170 об.)

19 октября перед полуднем на пути в китайскую столицу посольство встретило дариамбу Секу и чиновников, которые по указу императора привезли ханский чай, чтобы по их обыкновению угостить им посланника, и пригнали пять коней ханских. Говорили, что за это по их обыкновению следует благодарить богдыхана, став на колени. «И на то чрезвычайной посланник отвечивал, что не токмо он пред ними, но ниже пред самим ханом доколе не вручит от Ея императорского величества грамоту, на коленях поклона не отдаст» (л. 170–171)

Преодолев расстояние в 11 с лишним тысяч км, 21 октября 1726 г. посольство С.Л. Владиславича прибыло в Пекин.

В Статейном списке подробно описан этот эпизод. «Наперед ехали два адъютанта, два фуриера*. Потом ехал от гвардии офицер, за ним сержант и дватцать четыре гранодера с барабанщиком, заключа капралом, с полным оружием, в зеленом строевом мундире, в гранадорских шапках и с гранадерскими сумами. У афицера шапка бархатная, вышита золотом, а у протчих шолком с гербами позолочеными. За ними ехали четыре трубпетера†, також в строевом мундире. Потом маршалк‡ посольской, за которым следовали двенатцать человек лакеев в либерее§, из которых двое вели посольских две ло-

* Фуриер (нем.) – квартирмейстер, каптенармус.

† Трумпетер (нем.) – турбачи.

‡ Маршалк (нем.) – церемониймейстер, управляющий.

§ Либерея (фр.) – ливрея, форменная одержда для лакеев, кучеров, швейцаров.

шади заводны* в богатом уборе. Пред коретою ехали двое дворян посольства в богатом же уборе, за ними шли два скорохода. Чрезвычайной посланник ехал в корете с агентом Лангом¹⁰. При корете по обеим сторонам шли два гайдука† пеши, два пажа и два толмача верхами. За коретою ехали на присланных ханских лошадях секретарь посольства и с ним в ряд по сторонам секретарь латинского языка и другой, собственной чрезвычайного посланника. Потом следовали протчие чиновные люди и по два человека в ряд, все в богатом уборе. По сторонам и напереды заключали обоз несколько десятков китайских салдат с их офицеры».

«При приезде к пекинским воротам за несколько сажен поставлены были полки китайския конные с знаменами, которых на примере было около семи или осьми тысяч, и при проезде чрезвычайного посланника на одной стороне держали ружья на караул, а на другой стреляли из ружья пять залпов и один раз беглым огнем. Против чего и от чрезвычайного посланника взаимно отдана честь чрез офицера шпагою и от гранодеров ружья на караул з барабанным боем и с музыкою на трубах, с какою церемониею въезд имели и в Пекин до Посольского двора»¹¹.

«При въезде у ворот пекинских от китайцов встречи и никаких церемоней не было, токмо стоял обыкновенной караул несколько десятков, имея сабли в ножнях».

На Посольском дворе встретил чрезвычайного посланника дариамба, которой провожал его от границы, и поздравил со счастливым приездом. Потом приходили два царгучи‡ с поздравлением от верховных их министров. «А испустя час-другой, принесли пять столов с разными закусками и с мясом, також и вареной чай, что определено по указу ханскому по их обыкновению носить из приказов¹² на Посольской двор чрез десять дней» (л. 171 об.—172). Потом Посольский двор заперли, поставив по всему его периметру с внешней стороны караул численностью в 600 солдат с тремя генералами во главе. И никого из членов посольства со двора не выпускали. А на ночь ворота опечатывались¹³.

Неоднократные протесты С.Л. Владиславича, заявлявшего, что он не какой-то арестант, а посланник российской императрицы, были напрасны. Объясняли: пока не состоится аудиенция у императора никого со двора не выпускать (л. 176 об.). Правило действовало в отношении посольства Л.В. Измайлова, но не распространилось, как показали события, на посольство С.Л. Владиславича. Все 34 раунда пекинских переговоров проходили на территории Посольского двора, куда к посланнику приезжали китайские министры.

По приезде в Пекин на следующий день С.Л. Владиславич намеревался отправить Л. Ланга в Монгольский приказ¹⁴ для выяснения первоочередных вопросов: когда и кто будет определен для переговоров с китайской стороны, и когда состоится прием у императора. Писал он и о необходимости подыскать толкового переводчика, который бы знал латинский или итальянский и китайский языки, и чтобы никого в Россию не посылали без его ведома, «дабы не учинить какого помешательства делам государственным» (л. 172 об.).

Намереваясь направить Л. Ланга в Монгольский приказ, С.Л. Владиславич не был осведомлен либо решил проигнорировать существенный элемент китайского посольского церемониала: до тех пор, пока посланник не побывает на аудиенции у императора, он не может посылать от себя членов посольства к китайским сановникам¹⁵.

Тем временем на Посольский двор прибыли два министра — алегамбы§, один из Монгольского приказа, другой из Разрядного¹⁶. Визит китайских министров снял возможность дополнительных осложнений. Их интересовала цель приезда российского посольства. Хотя об этом китайская сторона давно уже была осведомлена из предваритель-

* Заводной конь — запасный верховой конь, который в походе, шествии идет в запасе.

† Гайдук (венг.) — здесь в значении выездной лакей.

‡ Цзаргучи, заргучей, заргучи (маньчж.) — чиновник, совмещавший судебные и административные функции.

§ Алегамба (маньчж.) — глава, президент приказа.

ной переписки, но, как заявили министры, они хотели бы услышать обо всем непосредственно от самого посланника.

Отвечая на вопросы высоких чиновников относительно цели его приезда, посланник объяснил, что в его задачи входит первоочередное решение торговых дел, прежде всего пропуск через границу торгового каравана, который пребывает там в ожидании не один год. Китайские министры, ссылаясь на указ богдыхана, твердо стояли на позиции приоритетного решения вопроса о разграничении на западном участке. Только после этого, заявляли они, можно будет перейти к обсуждению других вопросов.

Затянувшийся разговор временами проходил в весьма резких выражениях. За отказ посланника положить грамоты на стол перед тронем во время аудиенции у богдыхана министры обвинили его в дерзости.

По просьбе китайских чиновников посланник передал им копии грамот на русском и латинском языках. Исходя из опыта своих предшественников, С.Л. Владиславич просил цинских чиновников, чтоб они приискали верного переводчика, на латинском или итальянском языках, «понеже толмачи, как его, чрезвычайного посланника, так и их, не совершенно довольны. Ибо он, чрезвычайной посланник, говорит по-русски с своим толмачем, а тот с их толмачем по-мунгальски, а толмачи по-китайски с министрами, и таким образом между тремя языками половина дискурса* тратится. Министры ответствовали, что в том есть ево, чрезвычайного посланника, правда. А могут ли сыскать такого или не могут, еще не ведают»¹⁷ (л. 173–176).

С первого же дня пребывания в Пекине посольство находилось на довольствии китайской стороны. Ежедневный рацион и количество продуктов состояли из 7 баранов, 123 цзиней† говядины. Выдавалось немного мяса птицы и «полтрети фунта коровьего масла, по маленькой мерочке сорочинского пшена (т.е. риса. — А.И.) на человека вместо хлеба, також их питья, которое называется тарасун¹⁸, делается из просы, и по небольшому числу чаю». Кроме того, ежедневно полагалось по 1 свече на 8 человек, по 20 полен дров и по 2 пуда угля (л. 172–172 об.).

Последующие дни проходили в ожидании встречи с министрами для обсуждения процедуры вручения богдыхану грамот российской императрицы. Лишь 27 октября они прибыли на Посольский двор. В ходе длительных переговоров предварительно определились основные пункты отказа посланника безоговорочно во всем следовать китайскому ритуалу и столь же категорическому отказу китайских высших чинов что-либо менять в традиционной церемонии приема иностранного посла.

Главный пункт разногласий касался китайского посольского обыкновения класть на стол грамоты, адресованные богдыхану, что С.Л. Владиславич решительно отказывался исполнять и требовал, чтобы богдыхан изволил «оные грамоты своими руками у него принять, а потом их церемонию, что прикажут, исполнять готов» (л. 178). Подобный прецедент уже был во время вручения грамоты посланником Л.В. Измайловым, но тогда это произошло по воле самого императора Сюань Е, а как поведет себя новый император, чиновники не могли знать.

Министры потребовали также, чтобы посланник ни о каких делах богдыханову величеству «не доносил». С.Л. Владиславич заверил их, что ни о каких делах говорить не будет, только намерен «сказать речь в похвалу Его богдыханова величества и объявление за чем он прислан». Министры заявили, что за чем он приехал, богдыхан знает из грамоты. На что посланник заявил, что так водится во всех европейских странах и, «ежели он речи не скажет, в том утратится честь богдыханова величества», и что скажет он кратко, а письменный подробный текст отдаст верховным министрам, кому богдыхан прикажет. На такой

* Дискурс (дескуре) (лат.) – обсуждение, устные переговоры, беседы.

† Цзинь – китайская мера веса, равная 596,886 г. В разные времена вес его незначительно колебался.

вариант министры согласились (л. 178 об.). Таким образом были определены основные пункты разногласий и возможных компромиссов. Затем по просьбе министров им были показаны грамоты «в больших парчевых мешках» и полномочная (верительная) грамота посланника. В тот же день был прибавлен корм только одному посланнику (л. 179).

Богдыхан назначил аудиенцию на 22-й день первого зимнего месяца по китайскому календарю, т.е. на 4 ноября 1726 г. 1 ноября прибыли к посланнику министры для обсуждения процедуры приема в императорском дворце. И снова зашел спор о порядке вручения грамот. Министры сообщили С.Л. Владиславичу, что богдыхан согласен принять грамоты из рук посланника. Но прежде на специально поставленный посредине зала стол, покрытый желтой (императорский цвет) тканью, посланник должен положить грамоты, выйти из зала, за порогом совершить обряд «коутоу» и только после этого может поднести богдыхану грамоты российской императрицы. И тот примет их своею рукою (л. 179 об.—180).

Чрезвычайный посланник в очередной раз стал убедительно разъяснять министрам, что нельзя сравнивать его с посланником Л.В. Измайловым и по рангу, и по поставленным перед ним задачам. Его уровень («характер») значительно выше, чем у Л.В. Измайлова, к тому же он должен вручить богдыхану не одну, как его предшественник, а две грамоты. Взяв за основу эти аргументы, С.Л. Владиславич предъявил министрам 9 пунктов, фактически представлявшие собою сценарий аудиенции и подготовки к ней. Основные из них касались поведения самого посланника во время приема: «нигде не кланяться, ни на колени не припадать прежде отдания грамот самому богдыханову величеству; по отдании грамот кланяться на коленках три раза по трижды в той сале, где грамоты вручены будут, а не на дворе; сесть ему, чрезвычайному посланнику, на первом месте после принципов ханской крови; при столе богдыханова величества в сале быть при нем из его свиты пяти персонам; для выезда, чтоб прислано было «ханских 50 лошадей смиренных, а достальные имеет он свои, и прислать рано или ввечер прежде» (л. 181–181 об.).

2 ноября на Посольский двор снова пришли министры, чтобы дать свой ответ на вчерашние условия посланника. Число сопровождавших его членов свиты определили в 80 человек, а не в 120, как хотел посланник, в тронный зал кроме него будут допущены еще пять чиновных персон, 15 человек пройдут внутрь двора перед залом, а остальные останутся на первом дворе.

Министры сообщили также, что богдыхан «благоволит грамоты принять из рук его, чрезвычайного посланника, а прежде перед столом трижды по трижды по их обыкновению не кланяться, грамот на стол не полагать, а кланяться трижды по трижды после отдания грамот пред салою, понеже кланяться в сале и сущим кровным принципом не допущено». Речь говорить посланнику не разрешили, чтобы не утомлять императора тройным переводом и «не привести на гнев» (л. 182 об.).

Чиновники настойчиво требовали, чтобы по китайскому обыкновению посланник и другие пять персон его свиты, допущенных в «ханскую салу», были без шпаг. На что посланник заявил, что этого «он отнюдь учинить не может, ибо у пленников и арестантов шпага отнимается, а не у вольного посла, которой добровольно за лучшую дружбу к богдыханову величеству послан. И по многих разговорах сей запрос отложили и при шпагах быть велели» (л. 183 об.).

По достижении договоренности на основе компромиссных решений провели репетицию «коутоу».

В Статейном списке подробно и красочно описаны все события дня аудиенции. «Ноября 4-го дня за два часа до свету присланы на Посольской двор восемьдесят лошадей ханских с двумя заручеи и со многими служители... для провождения чрезвычай-

* Вероятно, описка; следует: принцев.

ного посланника с дариамбы караульными и протчими служителями, когда он, чрезвычайной посланник, повелит и будет готов...

А в 9-м часу пополудни поехали с двора следующим образом: наперед два адъютанта, за ними два фуриера, потом сержант и двадцать четыре человека гранодеров с нижним ружьем и с сумами, по два человека в ширенгу, а [в] замке капрал, за ними четыре музыканта без труб, по два же человека в ширенге. Потом два писаря, за ними офицер от гвардии в строевом мундире, за ним посольства секретарь с государственными грамоты, держа в руке, с ним в ряд по сторонам два секретаря, потом десять лакеев, по два ж в ширенгах, за ними двое с заводными лошадьми, потом два скорохода. За скороходами чрезвычайной посланник ехал в корете вместе с агентом Лангом, по сторонам два паж, два гайдука да два толмача. За коретою следовали и протчие служители посольские. При приезде к первым богдыханова величества воротам велели чрезвычайному посланнику выйти из кореты также и всей свите, покинув лошади, идти пешком, таким образом по чинам, как до ворот следовали» (л. 185–185 об.).

Посольство С.Л. Владиславича следовало к резиденции императора, минуя череду ворот, каждые из которых представляют собою своего рода рубеж на пути к главному ханскому залу*.

В первые ворота, именуемые Умэнь (Полуденные), впустили всех членов свиты, прибывших на церемонию, в том порядке, как ехали ко дворцу. А между вторыми — Тяньаньмэнь (Ворота Великого спокойствия) и третьими — Дуаньмэнь (Парадные ворота) произошло перестроение: впереди пошел офицер свиты, за ним секретарь посольства И. Глазунов с грамотами, за грамотами шел посланник, за ним остальная свита. У третьих ворот их встретили многие чиновники, среди которых был и алегода†. Посланник и алегода поздоровались «по их обыкновению» и некоторое время вели непринужденную беседу. Министры поспешили сообщить С.Л. Владиславичу, что это «первый министр и первый человек в государстве после богдыхана» (л. 186).

Потом, взявшись за руки, посланник и алегода в сопровождении части свиты, а также присутствовавших чиновников и офицеров, вошли в небольшой зал, где были разложены подушки для сидения. Предлагая друг другу первым сесть, посланник и алегода неожиданно сели одновременно.

Примерно с полчаса беседовали, а потом принесли ханский чай и тогда все благодарили и сидя, кланялись головой до полу. Еще через полчаса принесли кушанье в порцелиновых, т.е. фарфоровых чашках и на серебряных блюдах. Прежде других поставили на стол посланника. Спустя полчаса столы вынесли и два министра пошли докладывать богдыхану.

В течение всей этой церемонии секретарь И. Глазунов держал грамоты в руках над головою. Министры предложили внести стол, покрыв его желтой тканью, и положить на него грамоты российской императрицы. С.Л. Владиславич поблагодарил, но отказался, заявив, что «он ни на какой стол государственных грамот положить не может прежде вручения богдыханову величеству и что секретари ево посольские будут держать оные попеременно, стоячи, как надлежит за почтение тех грамот» (л. 188). Наконец пришел президент Монгольского приказа и позвал чрезвычайного посланника на аудиенцию к богдыхану. Пошли прежним порядком, а секретарь Глазунов нес грамоты, держа их обеими руками над головой.

Перед четвертыми воротами пропустили только посланника, пять персон первого ранга и 15 второго. А при подходе к пятым воротам Тайхэмэнь (Ворота Высшей гар-

* Впоследствии дворец получил название Гугун («Дворец прежних правителей»), которое практически вытеснило первоначальное, и был превращен в музей.

† Алегода (маньж.) — министр, помощник императора и управляющий Императорским секретариатом (канцелярией).

монии) увидели главный ханский зал, перед которым толпилось множество министров и офицеров. Этот зал называется Тайхэдянь (Зал, или павильон Высшей гармонии).

Пройдя пятые ворота, гости ступили на обширную террасу, где им открылась величественная панорама. Прямо перед ними на трехъярусной беломраморной платформе восьмиметровой высоты сверкал ярким лаком и позолотой павильон Тайхэдянь. Пройдя пятые ворота и обозрев панораму, посланник взял у секретаря обе грамоты и держа их обеими руками перед головой, пошел один в зал. Войдя в тронный зал, он увидел там на престоле богдыхана, а перед ним множество министров и генералов, стоявших на коленях по обеим сторонам. Президент Монгольского приказа сказал посланнику, чтобы тот следовал за ним. Дойдя до ступеней престола, президент остановился, а посланник подошел к престолу, где богдыхан сидел в «позолоченных креслах», и стоя перед ним на коленях, держал грамоты обеими руками над головой и ничего не говорил, памятуя запрет министров. Богдыхан обеими руками из рук посланника с почтением взял грамоты и передал их стоявшему по левую сторону от трона министру, а тот, стоя, держал их.

Вручив грамоты, чрезвычайный посланник вышел из зала «и пред первой ступению, в разстоянии двух сажен в виду богдыханова величества кланялся на коленках трижды по трижды по их обыкновению» (л. 189 об.) и вся его свита тоже. Затем ввели посланника в зал и велели сесть на подушку на первом месте по правую руку от престола, во втором ряду за ним сели и члены свиты, допущенные в зал, а остальные 15 человек остались стоять перед залом.

По окончании центральной части церемонии принесли чай богдыхану, все присутствовавшие кланялись до полу, сидя. Затем принесли чай первым министрам и чрезвычайному посланнику. Все благодарили за ханский чай и снова кланялись. «А хан сидел на престоле на собольей подушке, перекрестя ноги, с превеликим магистетом^{*}, как бы написана была картина» (л. 189 об.—190).

Церемония продолжалась в глубочайшем молчании. Затем богдыхан, подзвав к себе главу Монгольского приказа, что-то громко и внятно сказал ему по-китайски. После чего тот перевел русскому переводчику на монгольский язык слова богдыхана, который велел сказать чрезвычайному посланнику, «что у его родителя (император Сюань Е. — *А.И.*) был с Российским империем блаженный мир и покой и добрая дружбы, к содержанию которой и его величество имеет склонность, и что такая превеликая российская императрица послала такого великого посла, то его величеству угодно, и за то примает ево с учтивостью и честию, как прежде послы не приниманы. А между-де двумя империи после мирных договоров[†] до сего числа никаких великих дел не происходило, а которые малые происходили на границе, о тех он давно желал российского посла, дабы все успокоить» (л. 190).

Выслушав слова богдыхана, стоя на подушке на коленях, посланник в ответ произнес краткую речь, выдержанную в тех же тонах, а в конце сообщил, что имеет «полную мочь» от своей императрицы вести переговоры об улаживании пограничных вопросов и просил богдыхана назначить для переговоров с ним двух «из верховных и вернейших своих министров», которые бы потом обо всем ему верно доносили. И заверил, что приложит все усилия для благополучного завершения этого важного для вечной дружбы и согласия двух великих государств — Российской и Китайской империй — дела. Приняв ту речь, министр, поднес ее богдыхану, стоя на коленях. Богдыхан спросил у него, что это такое. Министр ответил, что это речь посла в похвалу Вашего величества. После чего монарх приказал речь перевести и по времени к нему принести.

Потом все министры встали на ноги без поклонов. Чрезвычайной посланник со своею свитой вышел из зала. «И в то время хан остался, сидячи на престоле». (л. 191–191 об.)

^{*} Магистет (лат.) – величие, важность, величественность, достоинство.

[†] Нерчинский договор 1689 г.

Провожали посольство так же торжественно, как и встречали, сопровождая представление радостными возгласами по поводу того, какая высокая честь была оказана чрезвычайному посланнику богдыханом, который пошел на нарушение нескольких основополагающих традиционных правил такого приема. Однако ворота Посольского двора по-прежнему были закрыты, стоял караул.

Согласно посольскому церемониалу за первой аудиенцией должна была следовать вторая для вручения богдыхану подарков российской императрицы Екатерины I и третья — для вручения подарков от чрезвычайного посланника. На следующий день к посланнику пришли министры, поздравляли его со столь высоким приемом, которым богдыхан удостоил посланника, а затем попросили его показать им «роспись» подарков российской императрицы их монарху. С.Л. Владиславич отвечал, что подарки Ее императорского величества готовы, но он желает еще и от себя поднести богдыхану некоторые подарки и просит, чтобы министры дали ему «доброжелательный совет», как ему поступить, «дабы своими особливыми маленькими подачками такого превеликого монарха не прогневать» (л. 193 об.). Министры пообещали, что в следующий свой визит скажут ему, и попросили посланника «в запас крепким разговором объявить им, о чем он имеет представлять».

На их запрос посланник отреагировал достойно, заявив, что об этом «словесно и письменно» он изложит во время конференции. По завершении споров, в ходе которых С.Л. Владиславич доказал несостоятельность позиции своих оппонентов по территориально-пограничному вопросу и заметил, что хотя аудиенция уже состоялась, а ворота Посольского двора по-прежнему заперты. Те пообещали ворота открыть (л. 195).

Этот диалог, в котором российский посланник продемонстрировал не только твердость позиции, но и прекрасную осведомленность относительно исторической судьбы неразграниченной части «Монгольской земли», стал своего рода отправным моментом в смене тактики китайской стороны по отношению к российскому посланнику. Любезности закончились.

Следующий визит министров проходил в совсем иной обстановке. Комплиментарность и некоторая уступчивость с их стороны сменились на жесткие, категорические заявления, порой на грани ультиматума. Министры сообщили российскому посланнику, что богдыхан отказывается принимать подарки. От имени богдыхана они заявили, что подарки не будут приняты до тех пор, пока посланник не объявит, «за чем он прислан и о чем имеет представлять». Теперь, продолжали они, когда аудиенция состоялась, грамоты приняты со всею учтивостью, большое дело в Пекине сделано. Осталось одно — граница. Министры богдыхана уже отправлены туда и еще пошлются и ему, чрезвычайному посланнику, надлежит быть там и трактовать» (л. 195 об.). Цинский двор спешил выпроводить российского посланника на границу, так как заинтересован был лишь в скорейшем разграничении западного участка российско-китайской границы.

Однако С.Л. Владиславич не спешил покидать китайскую столицу. Граница, условно, была важнейшей задачей посольства, но помимо нее у посланника были другие дела, требующие решения в Пекине, такие как возобновление караванной торговли, приостановленной китайскими властями в одностороннем порядке, договоренность о пребывании в Пекине постоянного российского торгового агента, согласование вопроса о статусе и деятельности в китайской столице Российской духовной миссии, основанной в 1715 г. по инициативе Петра I и с согласия императора Сюань Е, а также о порядке ведения переписки между Россией и Китаем.

Около двух месяцев цинский двор не принимал у С.Л. Владиславича подарки. Для сравнения заметим, что Л.В. Измайлов прибыл в Пекин 18 ноября и 28 ноября был приглашен в императорский дворец на аудиенцию, а 2 декабря вручил богдыхану подарки от российского императора Петра I и 5 декабря — собственные подарки. Сразу же после этого ворота Посольского двора были открыты. У посольства С.Л. Владиславича все

обстояло значительно сложнее. После долгих проволочек реестр подарков наконец был передан министрам. Посланник продемонстрировал им российские дары, которые привели их в величайшее изумление. Затем все подарки были упакованы в ткани желтого цвета, «ибо желтый цвет один хан употребляет, а не другие под смертной казнью», все ящики, в которых должны были нести подарки, «оклеили желтой бумагой. И все было готово» (л. 286), а дата церемонии по-прежнему не определялась. Наконец, 23 декабря министры, посетив посланника, объявили, что подарки не приняты из-за многих государственных дел, и что прием их назначен на 26 декабря.

В этот день рано утром на Посольский двор прибыли «ханские носители, убранные в особливом красном мундире с желтыми цветами и на головах на шапках перья желтые», числом в 250 человек (л. 283 об.).

Чрезвычайный посланник со своею свитою в 50 человек следовал за подарками тем же порядком, как и на аудиенции. На четвертом дворе подарки понесли в ханские апартаменты. Посольских людей туда не пустили. Лакеи и гренадеры остались в этом дворе, а посланника и сопровождавших его членов посольства провели в зал, где во время первой аудиенции их «траковали».

У той палаты посланника встретили множество различных чинов военных и светских, включая алегоду. Посадили С.Л. Владиславича на первое место напротив алегоды. Во втором ряду за посланником разместили сопровождавших его лиц. И так сидели два часа. Наконец три министра пошли докладывать хану и выяснить при этом, сам ли он изволит смотреть подарки или иному кому повелит. Вернувшись, министры сказали, что хан велел подарки посланника поставить рядом в палату, так как он сам хочет посмотреть их. После этого принесли кушанье на серебряных блюдах и ханский чай. Во время обеда от хана с его стола прислали посланнику на двух подносах разных «пирожков и прочего, что у них причитается за великую честь» (л. 284 об.). По окончании обеда принесли от хана 10 столов с наилучшими закусками. Чрезвычайный посланник благодарил с поклоном. Столы отправили на Посольский двор.

Затем два министра из тех, что бывали у посланника на конференции, пошли к хану и вскоре вернулись. В руках у одного из них была желтая бумажка с текстом. Министр сообщил, что богдыхан осмотрел все подарки те, что от российской императрицы, принял с радостью «того ради, что они из далекой земли привезены». И за них велел благодарить. А из подарков посланника принял только две борзые собаки. Прочее велел вернуть ему «того ради, что они богатые, и дабы в том ему, чрезвычайному посланнику, не было убытку. И тогда принесли остальные подарки посланника назад». На все заверения С.Л. Владиславича в том, что они сделаны от доброго сердца и с добрыми намерениями, министры отвечали с учтивостью, что богдыхан принял из его подарков малую часть, чему посланник должен быть доволен и чтобы велел свои подарки отнести на Посольский двор. Посланник отослал их прежде, чем поехал сам.

Потом с полчаса продолжалась беседа, в ходе которой министры сообщили посланнику, что с сего дня «ему уже свобода», что к нему могут приходить кто хочет и члены его свиты и он сам могут продать товары, если они у них есть. Обо всем этом последуют сегодня же письменные указы, которые и будут вывешены у ворот. Однако вопреки обещаниям и против обыкновения ворота Посольского двора по-прежнему оставались закрытыми.

Все 160 дней пекинского периода С.Л. Владиславич не имел никакой связи с Петербургом, с внешним миром. 160 дней жизни в чужом государстве, на огороженной, ограниченной территории Посольского двора, где неотлучно находилось 120 человек, были серьезным психологическим испытанием для российского посланника. Подобную ситуацию он предвидел и был к ней готов, о чем писал в последней реляции с границы¹⁹.

Все выезды за пределы двора были связаны с официальными мероприятиями в императорских дворцах — пекинском и загородном. Лишь дважды был нарушен устано-

вленный запрет. По просьбе С.Л. Владиславича 7 и 8 января 1727 г. ему разрешили посетить западных миссионеров: французских и португальских иезуитов, Итальянскую коллегия иезуитов. Поводом для таких визитов послужило желание посланника ознакомиться с архитектурой их храмов, которые строили китайцы по проектам иезуитов и под их руководством. Согласно проекту российско-китайского договора, иждивением китайской казны на территории Посольского двора должна быть построена православная церковь. Посланник договорился о помощи в строительстве этой церкви с одним из иезуитов, по проекту которого был построен особенно понравившийся ему храм. А 24 января в сопровождении китайского офицера была совершена познавательная-развлекательная поездка по Пекину, с заездом в один из буддийских монастырей.

Эти поездки стали для посланника весьма полезными, значительно расширив его представление о китайской столице, цинском дворе и самом императоре, которого, по характеристике западных миссионеров, он назвал идолатором, «хуже Нерона».

Пребывание посольства в Пекине совпало с празднованием китайского Нового Года, точнее праздника Весны (Чуньцзе). Министры поинтересовались у чрезвычайного посланника, не желает ли он принять участие в поздравлении богдыхана в императорском дворце. Посланник был, как всегда, осмотрителен при принятии решения. Выяснив сначала, где его посадят, и получив в ответ, что там же, где и при вручении грамот, С.Л. Владиславич рассудил так: «За столом он быть желает. А на праздник с ханы, ваны и прочими министры, подданными хана, поздравлять не желает, разве испустя несколько дней после праздника приватно. Понеже он, чрезвычайный посланник, богдыханова величества не подданный». (л. 298 об.—299).

Утром 10 января С.Л. Владиславич вместе с Л. Лангом в карете, секретарь И. Глазунов и другие члены свиты, числом 30 человек верхом прибыли ко дворцу. Прием проходил «в большой государственной сале», чтобы попасть в нее нужно было преодолеть три лестницы по девять ступеней каждая. На приеме присутствовало множество ванов, степных владетелей, министров и прочих сановных особ, все в церемониальных одеждах, в соболях и лисьих шубах, на головах шапки с камнем красным или лазоревым.

В зале площадью саженьей 20 на 9, возвышались 18 деревянных колонн, покрытых красным лаком. Верх и стены украшены «золотыми змеями преизрядной работы». Престол ханский с собольей подушкой был установлен на троне, к которому вели 9 ступеней. Близ трона сидели персоны ханской крови, а по обе стороны в 14 линиях разместили ванов, степных владетелей и ханских родственников, главных военачальников, за каждым столом по два человека. Чрезвычайному посланнику было отведено место справа от трона в третьей линии, там, где сидели алегоды. Перед ним поставили «особливый стол», а Л. Лангу и И. Глазунову позади него один на двоих. Перед залом на площади сидели многие главы степных племен и их приближенные также по двое за столом. Сидели так более получаса. Потом из внутреннего двора на носилках принесли богдыхана. Все встали. Когда богдыхан вошел в зал и сел на трон, с обеих сторон от него встали по пяти человек с алебардами, «прикрытыми желтыми змеями, и при каждой алебарде висело по одному хвосту барса. Когда богдыхан взошел на трон, все в глубочайшем молчании поздравляли его поклоном, стоя на коленях и трижды по трижды, склонив голову до пола, после чего молча сели по своим местам.

Перед залом был разбит желтый шатер с многочисленными китайскими чайниками из чистого золота с чаем и тарасуном. Началась «великая церемония» угощения чаем, затем тарасуном. Богдыхану подносили первому в золотой чаше, затем всем по очереди в соответствии с рангом и чином, каждый благодарил с поклоном. По завершении этой церемонии со стола, стоявшего перед троном, сняли желтую «обертку», и все увидели множество золотых блюд с конфетами, а на остальных столах конфеты были в медных блюдах. От ханского стола по одному блюду пожаловано сначала тем, кто сидел посередине зала за четырьмя столами, потом тем, кто сидел в первой и второй линиях, и пос-

ле этого очередь дошла до посланника, которому «особливо прислал хан одно блюдо с конфетами и, другое великое блюдо золотое с разным вареным мясом, Л. Лангу и И. Глазунову было пожаловано одно блюдо с конфетами».

В это время перед залом шло представление, похожее на комедию «с боем тазовой музыки». Представления сменяли одно другое. Потом перед залом появились танцоры, наряженные в церемониальные платья, и кланялись перед ханом трижды по трижды.

«Удивлению подобно, — отмечал в Статейном списке С.Л. Владиславич, — что в толиком многолюдстве все сидели в глубочайшем молчании и друг другу ни единого слова не молвили. Также и хан по прибытии на престол до самого возвращения ни единого слова не молвил же и сидел, ни на кого не смотря и никуда не поворачиваясь, якобы статуя была, что у них за величайший магистет почитается... На хане, — продолжает С.Л. Владиславич, — была исподняя одежда соболя, а верхняя черной лисицы, на голове шапка нецеремониальная с шелковой красной кисточкою, как носят офицеры, опушенная соболем, а на середине наверху шапки большой жемчуг с грецкий орех. И тако сидел на престоле больше часа, ничего не говоря. Встав с престола, возвратился назад. А господа все разошлись по домам» (л. 310–310 об.). Чрезвычайный посланник намерен был поблагодарить богдыхана за внимание, которое тот уделял ему, но министры его не допустили, сказав, что не время.

Час спустя после возвращения посланника, которого с особым почтением проводжали чиновники разных рангов, каждый до разных ворот, а царгучи и офицеры до Посольского двора, из дворца принесли те столы с яствами, что стояли перед посланником, Л. Лангом и И. Глазуновым в зале. И в тот же день часть вещей и еды посланник отправил западным миссионерам, к нескрываемому недоумению китайских чиновников.

В продолжение празднования китайского Нового Года С.Л. Владиславич был приглашен на «великую» или «огненную» потеху, т.е. фейерверк, устроенный в загородном императорском дворце Юаньминюане²⁰. Необыкновенно красочное пиротехническое зрелище, сопровождавшееся всевозможными представлениями, в том числе и в лодках на воде, посланник наблюдал из юрты самого богдыхана, сидя близ престола.

Особое смысловое значение в духе даннической системы традиционная китайская дипломатия придавала церемонии вручения послу ответных подарков богдыхана монарху страны, которую представлял посол, и самому послу, в данном случае — Российской империи, ее чрезвычайному посланнику и полномочному министру С.Л. Владиславичу-Рагузинскому. Подбор подарков, их уникальность, художественная ценность, число подарков и их размеры — все должно было демонстрировать отношение Цинского Китая к Российской империи. В Статейном списке С.Л. Владиславича этому эпизоду отведена значительная часть текста, не лишнего легкой иронии.

Церемония была назначена на 1 апреля 1727 г. В этот день рано утром посланник с 50 членами своей свиты в сопровождении китайского чиновника прибыл к императорскому дворцу. Там ему объявили, что «министры обретаются на загородном дворце при богдыханове величестве и сюды еще не бывали», и попросили чрезвычайного посланника войти в палату «одного из приказов», где «никакого убора, кроме замаранных стен», не было. Там посланник дожидался министров до трех часов дня, после чего пришли царгучи и повели посланника и его свиту в палату, где сидели два алегоды, три министра и многие царгучи стояли.

После обычных поздравлений зачитали письмо, в котором сообщалось, что богдыханово величество посылает с чрезвычайным посланником подарки для российской императрицы. Затем в зал внесли на четырех столах 90 кусков шелковых тканей, в их числе 10 парчовых, да два ящика лаковой и фарфоровой посуды и различных, преимущественно японских, шкатулок. Когда подарки разложили, министры говорили: «Смотри-де посол, те подарки, таковые парчи на продажу не бывают, токмо во дворце ханского величества делаются на обиход» (л. 412 об.). Посланник ответил, «что он не за подарками

пришел, но за окончанием дела», а подарки богдыхана он с почтением примет и поднесет их императрице (л. 413).

При виде таких даров чрезвычайный посланник рассмеялся и «зело дивился каковыя подарки малы против подарков превеликих Ея императорского величества», среди которых были и уникальные произведения западного искусства, к примеру такие, как «часы золотые с репетицією, убраны богатою рукою алмазами бриллиантными, с портретом государыни императрицы на финифте и з золотою цеопчкою. Все аглинской самой чистой работы — 1600 рублей... Два зеркала самых больших, каковых в Эуропе от одного стекла прежде не бывало. Рамы черные лаком покрыты, кругом богато убраны разными фейурами резными в хрустале, белою раковиною и большими разными позолоченными цветами укашены — 800 рублей». И другие также уникальные и замысловатые дары²¹.

Китайские чиновники прекрасно сознавая, что подарки от богдыхана действительно не соответствовали этикету межгосударственных отношений, тем более между монархами двух равновеликих империй, позднее ссылались на то, что богатые шпалеры²² для российского императорского дворца, отправленные после отъезда посольства Л.В. Измайлова, могут заменить привезенные С.Л. Владиславичем подарки. Потом принесли две камки* из самых простых, «которые по два рубли не стоили», и сказали, «сии подарки ему, чрезвычайному посланнику, для того, что хан от него принял из ево собственных подарков две собаки борзые. И когда чрезвычайный посланник увидел такой бездельный подарок, дважды расмеялся, и говорил, ежели б он был государь, то б богдыханова величества подарков не принял, когда он ево, чрезвычайного посланника, подарков не принял. Однако ж он, подданный Ея величества своей государыни императрицы, примет все с благодарением» (л. 412 об.—413).

Затем посланнику предложили перейти на другой двор, где на разных столах, покрытых желтыми тканям, лежали подарки. Чиновники велели посланнику кланяться до земли перед этими дарами.

Подарки богдыхана посланнику и его свите, заслуживают подробного описания. Помимо двух камок, которые вручили посланнику раньше, его одарили еще одной камкой «из самых худых» стоимостью в 5 лан[†], двумя связками «самой бездельной китайки[‡], бараньей шубой, покрытой камкою с беложелтыми змеями, шапкой, поясом и маньчжурскими сапогами да лошадей, оседланной китайским седлом и убором «по их обыкновению, как водится у чиновных людей». «И ежели купить все подарки посольские кроме лошади, что двадцати пяти рублей не стоит, а лошадь с убором — пятнадцати рублей. Итого всего на сорок рублей», — подсчитал С.Л. Владиславич.

Агент Л. Ланг и секретарь И. Глазунов получили такие же подарки, что и посланник, за исключением лошади. Священнику подарили шубу «с прибором, как носят китайские ламы», две камки и 12 концов китайки. Другие члены посольства также получили по бараньей шубе и ткани в разном количестве. Остальные участники посольства довольствовались одной камкой и 8 концами китайки каждый.

После вручения подарков глава Монгольского приказа сказал посланнику, что за милость богдыхана он должен кланяться «трижды по трижды по их обыкновению». Реакция посланника была весьма жесткой. С.Л. Владиславич заявил, «что он однажды тое церемонию чинил... и то перед самим богдыхановым величеством...», а «чтоб на дворе кланяться ныне трижды по трижды, того он не учинит. И за высшую милость богдыхана и за подарки благодарил одним поклоном».

* Камка — шелковая китайская ткань с разводами.

† Лан или лян — китайская мера веса, равная 37,3 г; слиток серебра этого веса употреблялся в XIV–XIX вв. в качестве основной денежной единицы.

‡ Китайка — простая хлопчатобумажная китайская ткань.

После возвращения на Посольский двор к посланнику пришли чиновники и поздравили его. В ответ С.Л. Владиславич, рассмеявшись, «говорил им, что он никогда бараньей шубы не носил, однакож от такого великого монарха такие превеликие подарки принял с почтением и будет хранить за память своим наследником» (л. 416–417).

Еще за десять дней до описанной выше церемонии 21 марта 1727 г. С.Л. Владиславич составил свой окончательный проект договора, содержащий не только статьи о границе, но и другие важные для России статьи. Вопреки противодействию цинской стороны, неоднократно манипулировавшей с текстом проекта, именно проект С.Л. Владиславича был положен в основу Кяхтинского договора.

После долгого противостояния на переговорах посланник рассудил, что нужно ехать на границу и все вопросы решать там. Цинский двор предлагал и другой, абсолютно неприемлемый для России вариант: заключить договор о границе в Пекине, «а кто чем владеет» не упоминать, «понеже то слово зело мешает всякому добру» (л. 406 об.—407). Чрезвычайный посланник, расценив это предложение как напрасную трату слов, заявил с присущим ему достоинством, «что он не младенец, дабы дал себя в обман, и не изменник российской, чтоб российские земли без указа отдавать и продавать. Ежели они с ним ничего праведным посредством не окончат, то совершенно мир Нерчинский от страны их нарушен». Эти слова вызвали у цинских дипломатов нескрываемое беспокойство: не объявляет ли посланник войну Китаю? С.Л. Владиславич заверил их, что «он прибыл мир обновить, а не войну объявить». Было решено продолжить переговоры на р. Буре (Бора) к югу от русского города Селенгинска²³.

Наступил заключительный этап пекинского периода переговоров, а с ним и новые заботы, главные из которых — получение ответной грамоты богдыхана к российской императрице и отпускная аудиенция в императорском дворце.

С ответной грамотой богдыхана возникла серьезная проблема. 14 апреля к посланнику пришли три министра, с которыми он вел переговоры, и принесли письмо к Российскому сенату от Монгольского приказа. С.Л. Владиславич категорически отказался принять его, повторив уже в который раз, что он может принять «только империяльную грамоту от богдыханова величества к Ея императорскому величеству при условии, что она будет соответствовать равномерным почтением» к российской императрице.

В ответе одного из министров Тулишэня отразилась суть, квинтэссенция китаец-центристского представления о нормах межгосударственных отношений, места и роли Срединной империи в общемировом пространстве. Министр говорил, «что-де ему, чрезвычайному посланнику, небезизвестно, что их ханы никому не пишут, разве токмо указом, чего он не примет, и не знает ли он, чрезвычайной посланник, что, как океан, все земли и береги водою напаяет и в свое море все принимает, а из своей глубины никуды воду не разпускает, тако и в сие Средиземное * государство отсюда прибегают и отсюда пишут, и послов посылают, а они ниже пишут, ниже послов посылают. И за тою притчиною богдыханово величество никогда писать, ниже послов своих посылать не будет и ни х кому прежде не посылал» (л. 419 об.).

Выслушав этот витиеватый пассаж министра, посланник, рассмеявшись, сказал, что он очень уважает их государство и богдыхана, но то, что они называют Китай Средиземным государством, неправда, чему свидетельствуют географические карты. Напомнил посланник министру Тулишэню, что он и сам при прежнем императоре ездил с посольством к калмыцкому хану Аюке, российскому подданному, обитавшему в низовьях р. Волги²⁴. На что тот заявил, что ездил он не с грамотой, а с указом императора. Посланник парировал: «Указы посылаются к своим подданным, а не к чужим» (л. 420). Тулишэнь пытался отговориться тем, что якобы не знал о российском подданстве хана Аюки.

* Т.е. Срединное.

Чрезвычайный посланник предложил министрам письмо переслать на границу и при нем один экземпляр на латинском языке. Когда он прибудет на границу, прочтает то письмо и если не усмотрит в нем ничего предосудительного к чести российской императрицы, то он сам примет его или велит принять камиссару и в Сенат отослать. А в Пекине такое письмо ни коим образом принять не может. А если трактат состоится, тогда с их нарочным курьером то письмо он пошлет с границы. На том и порешили.

Отпускная аудиенция состоялась 19 апреля в загородном дворце Юаньминюань. Кроме посланника на нее были допущены только двое из его свиты — агент Л. Ланг и секретарь И. Глазунов по причине небольшого зала. Предварительно предложили посланнику письменно изложить свою просьбу, чтобы богдыхан «допустил его святое свое лицо видеть прежде его отъезду», предупреждая, чтобы он ни о каких делах не говорил, так как богдыхан «не весьма милостив за его упрямство, что не хочет заключить трактату по их проекту, которой он сам читал». Чрезвычайный посланник заявил, что желает видеть его величество, «а письменного прошения о том не даст, и в том воля Его богдыханова величества». И добавил, что если богдыхан будет его порицать и называть упрямым или несправедливым из-за того, что не окончил трактат в Пекине, то он будет отвечать «то ж, что и им, министрам, отвечивал». Министры убеждали посланника в том, чтобы он ничего не говорил о делах богдыхану, так как он о делах и поступках известен, а «ежели же о чем будет хан говорить, то б он поклонился и слушал».

19 апреля рано утром, еще до восхода солнца поехал чрезвычайный посланник с агентом Л. Лангом и секретарем И. Глазуновым «в наилучшем убранстве» в коляске, перед которой «шли три лошади заводных в богатых уборах».

За полверсты до Юаньминюаня чрезвычайному посланнику велели покинуть коляску и дальше до самого дворца ехать верхом. Предварительно до начала церемонии С.Л. Владиславич получил конкретные наставления, как себя вести во время аудиенции. Было сказано, что «ханское-де величество жалует его увидеть лице свое и намерен показать над ним милость и почтение большее иных послов», только и он должен будет кланяться «и прочее чинить по их обыкновению». Чрезвычайный посланник сказал, что один поклон он сделает в начале аудиенции, другой на отпуске, «а больше кланяться ему не пристойит», имея ввиду «коутоу».

Зал был небольшой и недавно отстроен: продолговатое помещение, покоящееся на восьми новых деревянных колоннах, еще не позолоченных, пол покрыт белым штукатуром*, как большая нерпа. У входа в зал слева помещен внушительных размеров бубен, а с правой стороны находилось множество окошек, напоминавших шкаф. Посреди зала располагался престол, покрытый желтым небогатым убором, перед ним стоял стол с разными закусками.

Когда чрезвычайный посланник вошел в зал, богдыхана там еще не было. Вскоре он прибыл, сел на престол и взглянув на посланника, махнул рукой, чтобы тот тоже сел. С.Л. Владиславич поклонился и продолжал стоять, поскольку все присутствовавшие стояли. Тогда хан произнес: «Посол, сядь». Посланник опустился на подушку.

Богдыхан сидел на престоле более четверти часа, молча. Потом поднесли ему чай и все кланялись «сидячи по их обыкновению единожды головою до полу». После хана чай поднесли чрезвычайному посланнику, выпив, он также сидя, кланялся по их обыкновению. Кроме хана, двух его оберегателей, посланника, Л. Ланга и И. Глазунова в зале никто не сидел.

Глядя на посланника, хан обратился к нему с краткой речью, заключив ее словами: «Ныне же ты отъезжаешь и я тебя звал на аудиенцию и отпускаю с радостью. Приди ко мне и прими у меня чашу и выпей». Посланник поклонился, подошел к престолу, принял чашу из рук хана, что в Китае почитается за великую честь, затем намеревался от-

* Штук (стукко, стук) — искусственный мрамор из полированного гипса с добавками.

ступить от престола и только потом по их обыкновению выпить. Но хан приказал пить перед ним. С.Л. Владиславич выпил половину, хан рассмеялся и велел выпить все. Посланник в весьма непринужденной форме отвечал: «Хотя рюмка и велика, однакож из рук такого превеликого императора он выпьет, хотя и пьян будет». Хан снова засмеялся. Посланник выпил до дна и, отдав чашу, поклонился (л. 430). Хан, взяв со своего стола золотую тарелку с фруктами, дал ее чрезвычайному посланнику. Приняв ее, и вернувшись на свое место, С.Л. Владиславич поклонился головою до пола.

Через министров он передал просьбу, чтобы хан разрешил ему произнести краткие и нужные для него слова. Хан приказал говорить и снова рассмеялся. С.Л. Владиславич благодарил богдыхана за проявленную заботу о нем во время его болезни и просил пропустить в Пекин российский торговый караван, который уже давно находился на границе в ожидании разрешения прибыть в китайскую столицу. Хан, рассмеявшись, сказал, чтобы посланник подошел к нему поближе. Посланник поклонился и подошел. Хан произнес проникновенную речь, призывая посланника в переговорах соблюдать равномерно интересы обеих сторон, и завершил напутственными словами: «Когда я и твоя императрица имеем к такому доброму делу склонность, в чем я на тебя надеюсь. И ты с границы не уезжай, не окончив. А караван впредь пропуститца, когда все окончено будет». Посланник заверил хана, сказав, что если его министры будут поступать праведно и посредственно, то скоро все благополучно окончится. Выслушав посланника, хан в заключение сказал: «Поезжай с радостью, все окончится правдою и посредством».

По завершении официальной части перешли к трапезе, во время которой монарх первое золотое блюдо с закусками со своего стола передал посланнику со словами: «Кушай, посол». Потом последовали и другие блюда, предназначенные посланнику, двум оберегателям хана, а также агенту Л. Лангу и секретарю И. Глазунову.

Сидели более получаса, пили чай, кланялись сидя. Наконец один из чиновников сказал посланнику, что пора уходить. И добавил: «Кланяйся богдыхану величеству за такую превеликую милость, каковой никоторый посол в Пекине не получал, и тебя радостно отпускает». Тогда посланник, а сзади него Л. Ланг и И. Глазунов стали на колени напротив престола и кланялись трижды, не вставая на ноги, ибо так повелел хан, «показуя лутчую склонность. И когда чрезвычайный посланник кланялся, то и хан главу приклонил и, встав с престола, пошел в свои палаты». Присутствовавшие поздравляли российского посланника с такой великой милостию богдыхана.

В продолжение церемонии члены посольства во главе с С.Л. Владиславичем, три министра и евнухи совершили получасовую прогулку по каналам на плоскодонных судах, наслаждаясь красотами водных сооружений дворцового ансамбля, затем посланника и сопровождавших его Л. Ланга и И. Глазунова привели в помещение одного из приказов, где их потчевали всевозможными кушаньями, водкой, тарасуном, развлекали небольшим представлением, проходившим под тихую музыку, тихую из-за печали в связи с кончиной «ханской бабки».

По завершении всех составляющих действия, именуемого отпускной аудиенцией в императорском дворце, посланник, поблагодарил за замечательный прием, сел в коляску и отбыл в Пекин. Спустя полчаса после его прибытия на Посольский двор, туда принесли столы с едой, те, что во время аудиенции стояли перед посланником, Л. Лангом и И. Глазуновым (л. 431–432 об.).

23 апреля 1727 г. посольство С.Л. Владиславича покинуло китайскую столицу и направилось к границе. Перед отъездом посланник заручился обещанием цинских министров, что в пути китайская сторона обеспечит посольство продуктами и кормом для скота.

Завершился пекинский период переговоров С.Л. Владиславича, крайне напряженных, требовавших от него особой выдержки без потери достоинства в любых ситуациях, искусство талантливого дипломата. Трудно было противостоять изощренным средст-

вам давления цинского двора, обрушившего на него весь арсенал стратагемных методов воздействия, когда уступки и заверения в дружбе, демонстрации великолепия, роскоши и щедрости могущественной восточной империи сменялись на угрозы, обман и другие методы воздействия на посланника. Старались задобрить, подкупить.

Нередко, отступая от дипломатических норм ведения переговоров, министры оказывали на посланника прямое грубое давление, не раз пытались подкупить его. «Ты-де упрямец, а не посол, — в гневе обвиняли они С.Л. Владиславича, — и прибыл токмо для поздравления Его богдыханова величества и отдания подарков. Прими-де подарки к своей императрице и поезжай ни с чем» (л. 445). «Некогда мне грозили, а некогда великим награждением обнадеживали, ежели я таким трактатом обяжусь. Я ответствовал с порядком и равномерной гордостью, что я не изменник, ниже предатель Отечества» (л. 444 об.).

Как ни трудно шли переговоры, градус накала которых порою зашкаливал, какими бы изобретательными ни были цинские чиновники, оказывая давление на посланника, С.Л. Владиславич не допускал ничего такого, что могло бы оскорбить или унижить его оппонентов.

Для достижения своих целей цинский двор прибегал и к более жестким и изощренным методам давления. Так, 10 февраля 1727 г. привезли на Посольский двор «худую воду» (соленую) из-за чего заболели многие члены посольства. Чиновники отговорились тем, что в этом месяце вода бывает такая, якобы, от перемены воздуха (л. 364–364 об.).

Заболел и посланник. Цинский двор обеспокоился его болезнью, опасаясь, как бы тот не умер, не успев подписать так необходимый Цинам договор. Богдыхан ежедневно посылал к посланнику чиновников справляться о его здоровье, присылая диетическую еду, и однажды Посольский двор посетил самый знатный личный врач богдыхана (л. 370–371 об.).

Событийная канва приема посольства С.Л. Владиславича в Пекине позволяет проследить, как используя различные тактические меры при неизменной стратегической цели цинская дипломатия стремилась сломить волю «упрямого» посланника и заставить его подписать угодный для Цинов договор о границе. Посольскому церемониалу отводилась в этой стратагемной «ловушке» важная роль.

Согласно китайскому обыкновению при приеме иностранного посольства китайская сторона обеспечивала его питанием только 60 дней. Посольство С.Л. Владиславича находилось в Пекине 160 дней, в течение которых Цины неоднократно поднимали вопрос о прекращении «кормления». Из-за того, что посольство было лишено возможности продавать привезенный товар, а китайских денег у него не было, посланник даже приказал переплавить собственный сервиз в слитки на тот случай, если понадобится серебро для покупки продуктов. Но китайские власти по-прежнему не выпускали членов посольства за пределы двора, равно как и не пускали к ним китайских торговцев.

В грубой форме чиновники требовали, чтобы посольство скорее уезжало на границу. В противном случае грозили уморить в тюрьме или отпустить с бесчестьем, выгнать зимой в пустую степь, где бы посланник со свитой мог умереть от холода и голода. Подобные угрозы кончались тем, что китайские власти в очередной раз продляли снабжение продуктами на определенный срок. В последний раз добавили 20 дней, на что посланник заявил, что этого мало, требуется 30–40 дней, так как в степи еще холодно и нет травы для скота. Последние 20 дней пребывания в Пекине посольство питалось за свой счет.

Против обыкновения и несмотря на многократные протесты С.Л. Владиславича, Посольский двор открыли в том числе и для свободной торговли товарами, которые были привезены посольством на продажу, чтобы иметь необходимые средства, лишь 2 апреля 1727 г., т.е. за три недели до отъезда его на границу. Пришлось продавать дорогой товар за полцены. И тем не менее более трети товаров вынуждены были взять с собой, что привело к серьезным убыткам, усложнило обратный путь. И все это происходило на фо-

не длительной изоляции не только от Пекина, но и от России и внешнего мира, так как никакую переписку Цины посланнику не позволяли.

Однако 160 дней, проведенных в китайской столице, общение с министрами и другими сановными особами, а также визиты к западным миссионерам позволили С.Л. Владиславичу, опытному дипломату, первому из европейцев разгадать стратегию китайской традиционной дипломатии и спутать планы цинского двора на быстрое заключение договора о границе (другие вопросы их не интересовали) с существенным ущемлением российских интересов.

Подписанный С.Л. Владиславицем 21 октября 1727 г. Кяхтинский договор, ратифицированный 14 июня 1728 г., в основном отвечал интересам России и стал главным событием в истории российско-китайских отношений XVIII в., определив дальнейшее их развитие вплоть до середины XIX в. (Кульджинский договор 1851 г. и др.).

Интересы Китая тоже были учтены в договоре, императорский двор остался доволен итогами переговоров, тем не менее цинское историописание сделало акцент лишь на протокольной части приема посольства С.Л. Владиславица, представив ее в духе даннических традиций. «Русский Чахан-хан* прислал посла Саву преподнести двору грамоту, поздравляющую его величество с восшествием на престол, и преподнести местную продукцию в качестве дани. Согласно правилам, в честь Савы был устроен пир, и он был пожалован ответными дарами»²⁵.

Именно так, в контексте даннической системы оценивали Цины отношения Китая с Россией, государством не только соседним, но и равновеликим ему. И посольский церемониал был призван наглядно демонстрировать незыблемость китаеццентристской модели «сюзерен-вассал», где по определению нет и не может быть паритета. Тем не менее, в первой трети XVIII в. российские посланники, и в первую очередь чрезвычайный посланник и полномочный министр С.Л. Владиславич-Рагузинский поколебали ее основы, в том числе и посольского церемониала. Цинскому двору пришлось поступиться основополагающими элементами порядка приема в императорском дворце, такими как передача посланником государственных грамот непосредственно в руки богдыхана и совсем неслыханное — беседа посланника с богдыханом о переговорах во время аудиенции, разрешение посланнику и его свите явиться на прием к императору при шпагах, что считалось нарушением дворцового этикета и др.

Описанные в данной статье и другие менее значимые моменты отхода от традиции служат убедительным свидетельством того, что в отношениях с Россией Цинский Китай пошел на уступки даже в таких столетиями складывавшихся основах китайской дипломатии, как посольский церемониал.

Подобные изменения стали возможными благодаря тому, что Россия тоже пересмотрела некоторые положения этикета в поведении отечественных послов в Китае, прежде всего это распространилось на исполнение послами обряда «коутоу», которому в китайском церемониале отводилась наиважнейшая роль.

Другой причиной сговорчивости цинского двора в вопросах церемониала были опасения, что Россия может пойти войной против Китая, о чем С.Л. Владиславич писал в Статейном списке и в реляциях в Петербург. Об этом говорили ему и западные миссионеры.

Сказалось и стремление цинской стороны к скорейшему определению границы на остававшихся еще неразграниченными участках российско-китайской границы.

Значительной была и роль самого российского посланника, не поддававшегося на всевозможные ухищрения и уловки цинских переговорщиков. С.Л. Владиславич последовательно придерживался выдвинутого им принципа: «Да владеет каждый империи всем тем, чем ныне владеет, без прибавки, ни умаления» (л. 444). В сложившейся

* Белый хан.

ситуации без потери достоинства он отстаивал национальные интересы России. И сделал это успешно.

Эти, а возможно еще и другие причины, скрытые в тайниках цинской дипломатии, обусловили то, что прием посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского прошел с существенными отклонениями от традиций посольского церемониала, частично по сценарию, предложенному российским посланником.

Р.С. 11 июня 2011 г. в г. Шлиссельбурге, месте первой встречи Петра I с С.Л. Владиславичем, был установлен памятник Савве Лукичу Владиславичу-Рагузинскому, выдающемуся российскому дипломату, сподвижнику царя-реформатора, кавалеру ордена Святого Александра Невского.

1. С 1644 по 1912 гг. в Китае правила маньчжурская династия Цин. Свергнута Синьхайской революцией 1911–1913 гг., провозгласившей республиканский строй в Китае.
2. В официальных цинских документах часто используется ссылка на исторический прецедент. «В практике цинской дипломатии, — поясняет исследовательница Юй Цзе, — под словом «обычай» или «обыкновение» (ли) подразумевается тот или иной исторический прецедент, утвердившийся в официальном династийном историописании и тем самым обладавший законностью для тех или иных дипломатических или военных действий» (Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 100).
3. Лишь в 1878 г. под давлением западных держав «коуту» был отменен.
4. Сюань Е (1654–1722) — второй император Цинской династии. девиз годов правления Канси (1662–1722).
5. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. С. 227, 244. Далее: РКО в XVIII в.
6. Статейный список посольства тайного советника и кавалера, чрезвычайного посланника и полномочного министра, Ильирицкого графа Саввы Владиславича, разделенный на два тома // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Китаем. 1725 г. Оп. 129. Д. № 12. В полном объеме не публиковался. Список насчитывает 1287 л. рукописного текста с оборотами. Выписка, сделанная в Коллегии иностранных дел, опубликована в сб.: РКО в XVIII в. Т. 2. 1725–1727 гг. С. 409–466. Существуют и другие выписки и экстракты, меньшие по объему. Все сноски на Статейный список С.Л. Владиславича даны в тексте в круглых скобках.
7. Подробно о посольстве Л.В. Измайлова см.: РКО в XVIII в. Т. 1.
8. Подробный очерк о жизни и деятельности С.Л. Владиславича см.: *Павленко Н.И.* Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сиб. огни 1978. № 3. С. 155–168. О посольстве его в Китай см.: *Мясников В.С.* Посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского в Пекин // *Мясников В.С.* Квадратура китайского круга. Избр. ст. М., 2006. С. 355–374; *Его же.* Заключение Кяхтинского трактата (1728) // Там же. С. 355–400; *Его же.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX вв. М. 1996.
9. Инь Чжэнь (1678–1735) — третий император Цинской династии, четвертый сын императора Сюань Е. Девиз годов правления Юнчжэн (1723–1735).
10. Ланг Лоренц (Лаврентий Лаврентьевич) (1690-е — 1752), швед, с 1712 г. на русской службе. В 1715–1717 гг. по распоряжению Петра I совершил первую поездку в Китай, где принял деятельное участие в налаживании русско-китайских торговых связей. В 1719–1722 гг. был направлен в Китай в качестве секретаря посольства Л.В. Измайлова. В 1725 г. включен в состав посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского. Затем, неоднократно возглавлял торговые караваны в Пекин. Всего шесть раз ездил в Китай по разным дипломатическим и торговым делам. В 1739 г. был назначен вице-губернатором г. Иркутска и одновременно руководил караванной торговлей. Автор нескольких проектов по улучшению русско-китайских отношений. О своих поездках в Китай оставил четыре дневника на немецком языке, два из которых переведены на русский язык (Подлинная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента

- е.в. Императора Российского при китайском дворе в 1721 г. // Сев. архив. 1892 г. Т. 3. № 17–18; Т. 4. № 19–22, 29; Записка о поездке в Пекин в 1715–1717 гг. // РКО в XVIII в. Т. 1. С. 487–497.
11. Посольский или Русский двор — комплекс зданий Хуэйтун гуань. Построенный еще при Минской династии в 1441 г., первоначально принадлежал князю одного из вассальных княжеств. После его смерти это место использовалось для размещения прибывавших в китайскую столицу посольств вассальных государств с данью. Останавливались там и российские дипломаты — И. Идес, Л.В. Измайлов, С.Л. Владиславич-Рагузинский. Сюда прибывали русские курьеры, гонцы, торговые караваны. Со временем за комплексом закрепилось название Посольский или Русский двор (Элосы гуань).
 12. Приказами, трибуналами, палатами, коллегиями в российских документах и литературе того времени именовались государственные учреждения Цинской империи.
 13. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1679 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной Коллегии иностранных дел в 1792–1803 гг. Казань, 1882. С. 128.
 14. Монгольский приказ, Палата, Трибунал, Коллегия внешних сношений — центральное учреждение правительства Цинского Китая, ведавшее делами «зависимых территорий» — Монголией и Тибетом, а также отношениями с Россией. Китайское название — Лифаньюань.
 15. Об этом см.: Статейный список Л.В. Измайлова // РКО в XVIII в. Т. 1. 1700–1725. Док. №. 151.
 16. Разрядный приказ — Военное ведомство. Китайское название Бинбу.
 17. В составе посольства был аббат И. Крушали, в качестве переводчика латинского языка и «истории описателя», служивший по рекомендации С.Л. Владиславича в Коллегии иностранных дел России с 1717 г.
 18. Тарасун (монг.) — самогон из сквашенного кобыльего молока у кочевых народностей Центрально-Азиатского региона. Также называли сибиряки и китайскую рисовую водку.
 19. См.: РКО в XVIII в. Материалы и документы. Т. 2. 1725–1727 гг. Док. № 189.
 20. Юаньминюань — дворцовый ансамбль, расположенный к северо-западу от Пекина (в настоящее время находится в черте города), ближайшая летняя резиденция цинских императоров. Построенный в XVIII в. он представлял собою шедевр китайского зодчества и служил собранием несметного числа сокровищ, уникальных произведений искусства, книг. Юаньминюань был любимой резиденцией императора Инь Чжэня, который отреставрировал его, расширил территорию и даже посвятил ему собственное сочинение. Там он и скончался. Строительство и усовершенствование дворцового ансамбля продолжил его преемник император Хун Ли (девят лет правления Цяньлун 1736–1796), в том числе при участии западных миссионеров.
 - 7 августа 1860 г. во время второй опиумной войны (1856–1860) подошедшие к Пекину англо-французские войска разграбили Юаньминюань и, чтоб скрыть следы мародерства, разрушили и сожгли этот замечательный памятник китайского зодчества вместе с оставшимися там раритетами. Восстанавливать его не стали, а в конце XIX в. построили недалеко от прежней летней резиденции императоров новую — Ихэюань.
 21. Подробно перечень подарков императрицы Екатерины I китайскому богдыхану см.: Статейный список (л. 281–282 об.); РКО в XVIII в. Т. 2. Док. № 196.
 22. Шпалера (нем.) — в данном случае это либо бумажные обои для покоев (устар.), либо настенные безворсовые ковры-картины, вытканые ручным способом, как правило из цветных шерстяных или шелковых нитей по красочным картонам, созданным живописцами. В словаре В. Даля приведен только первый вариант (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. СПб., М., 1882. С. 642).
 23. Подробно о ходе переговоров, всех его 58 раундов см.: *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX вв. М., 1996. С. 186–205.
 24. Подробно о первом китайском посольстве см.: *Мороз И.Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1725) // Вост. архив. 2009. № 2 (20). С. 28–39.
 25. Да Цин шицзун сянь хуанди шилу (Записи [деяний] императора великой династии Цин Шицзуна). Изд. 54. С. 23а—23б. Цит. по: РКО в XVII в. Т. 2. Л. 509.